

Сергѣй Тимоѳеевичъ
АКСАКОВЪ.

Аленькій цвѣточикъ.
СКАЗКА КЛЮЧНИЦЫ ПАЛАГЕИ.

ImWerdenVerlag
München 2005

© С. Т. Аксаков. Аленький цветочек. 1858.

Печатается по старой книге, потерявшей со временем, к сожалению, и переплет и обложку...

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. 2005

<http://imwerden.de>

Въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ, жилъ былъ богатый купецъ, именитый человѣкъ. Много у него было всякаго богатства, дорогихъ товаровъ заморскіихъ, жемчугу, драгоцѣнныхъ каменіевъ, золотой и серебрянной казны; и было у того купца три дочери, всѣ три красавицы писанья, а меньшая лучше всѣхъ; и любилъ онъ дочерей своихъ больше всего своего богатства, жемчуговъ, драгоцѣнныхъ каменіевъ, золотой и серебрянной казны — по той причинѣ, что онъ былъ вдовецъ, и любить ему было не кого; любилъ онъ старшихъ дочерей, а меньшую дочь любилъ больше, потому что она была собой лучше всѣхъ и къ нему ласковѣе. Вотъ и собирается тотъ купецъ по своимъ торговымъ дѣламъ за море, за тридевять земель, въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, и говоритъ онъ своимъ любезнымъ дочерямъ: «дочери мои милыя, дочери мои хорошія, дочери мои пригожія, ѣду я по своимъ купецкимъ дѣламъ за тридевять земель, въ тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проѣзжу — не вѣдаю, и наказываю я вамъ жить безъ меня честно и смирно, и коли вы будете жить безъ меня честно и смирно, то привезу вамъ такіе гостинцы, какихъ вы сами похочете, и даю я вамъ сроку думать на три дня, и тогда вы мнѣ скажете какихъ гостинцевъ вамъ хочется.» Думали онѣ три дня и три ночи, и пришли къ своему родителю, и сталъ онъ ихъ спрашивать, какихъ гостинцевъ желаютъ. Старшая дочь поклонилась отцу въ ноги, да и говоритъ ему первая: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебрянной парчи, ни мѣховъ чернаго соболя, ни жемчуга бурмитскаго; а привези ты мнѣ золотой вѣнецъ изъ каменіевъ самоцвѣтныхъ, и чтобъ былъ отъ нихъ такой свѣтъ, какъ отъ мѣсяца полнаго, какъ отъ солнышка краснаго, и чтобъ было отъ него свѣтло въ темную ночь, какъ среди дня бѣлаго.» Честной купецъ призадумался и сказалъ потомъ: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая; привезу я тебѣ таковой вѣнецъ; знаю я за моремъ такова человѣка, который достанетъ мнѣ таковой вѣнецъ; а и есть онъ у одной королевишны заморскія, а и спрятанъ онъ въ кладовой каменной, а и стоитъ та кладовая въ каменной горѣ, глубиной на три сажени, за тремя дверьми желѣзными, за тремя замками нѣмецкими. Работа будетъ не малая: да для моей казны супротивнаго нѣтъ. Поклонилась ему въ ноги дочь середняя и говоритъ: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебрянной парчи, ни черныхъ мѣховъ соболя сибирскаго, ни ожерелья жемчуга бурмицкаго, ни золота вѣнца самоцвѣтнаго; а привези ты мнѣ тувалетъ изъ хрусталу восточнаго, цѣльнаго, безпорочнаго, чтобы, глядя въ него, видѣла я всю красоту поднебесную и чтобъ смотря въ него, я не старилась и красота бѣ моя дѣвичья прибавлялася.» Призадумался честной купецъ, и подумавъ мало ли, много ли времени, говоритъ ей таковыя слова: «хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебѣ таковой

хрустальный тувалетъ; а и есть онъ у дочери короля персидскаго, молодой королевшины, красоты несказанной, неписанной и негаданной; и схороненъ тотъ тувалетъ въ терему каменномъ, высокіимъ, и стоитъ онъ на горѣ каменной, вышина той горы въ триста сажень, за семью дверьми желѣзными, за семью замками нѣмецкими, и ведутъ къ тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоитъ по воину персидскому и день и ночь, съ саблею на голó булатною, и ключи отъ тѣхъ дверей желѣзныхъ носить королевшна на поясѣ. Знаю я за моремъ такова человѣка, и достанетъ онъ мнѣ таковой тувалетъ. Потяжеле твоя работа сестриной: да для моей казны супротивнаго нѣтъ.»

Поклонилась въ ноги отцу меньшая дочь и говоритъ таково слово: «Государь ты мой батюшка родимой! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ соболей сибирскіихъ, ни ожерелья бурмицкаго, ни вѣнца самоцвѣтнаго, ни тувалета хрустальнаго, а привези ты мнѣ *аленькій цвѣточикъ*, котораго бы не было краше на бѣломъ свѣтѣ» Призадумался честной купецъ крѣпче прежняго. Мало ли, много ли времени онъ думалъ, доподлинно сказать не могу; надумавшись онъ цалуетъ, ласкаетъ, приголубливаетъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ такыя слова: «Ну, задала ты мнѣ работу потяжеле сестриныхъ; коли знаешь, что искать, то какъ не сыскать, а какъ найти то, чего самъ не знаешь? Аленькой цвѣточикъ не хитро найти, да какъ же узнать мнѣ, что краше его нѣтъ на бѣломъ свѣту? Буду стараться, а на гостинцѣ не взыщи.»

И отпустилъ онъ дочерей своихъ, хорошихъ, пригожихъ въ ихніе терема дѣвичьи. Сталъ онъ собираться въ путь, во дороженьку, въ дальніе края заморскіе. Долго ли, много ли онъ собирался, я не знаю и не вѣдаю: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Поѣхалъ онъ въ путь, во дороженьку. Вотъ ѣздитъ честной купецъ по чужимъ сторонамъ заморскіимъ, по королевствамъ невиданнымъ; продаетъ онъ свои товары въ тридорога, покупаетъ чужіе въ тридешева; онъ мѣняетъ товаръ на товаръ и того сходнѣй, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружаетъ, да домой посылаетъ. Отыскалъ онъ завѣтный гостинецъ для своей старшей дочери: вѣнецъ съ камнями самоцвѣтными, а отъ нихъ свѣтло въ темную ночь, какъ бы въ бѣлый день. Отыскалъ завѣтный гостинецъ и для своей средней дочери: тувалетъ хрустальный, а въ немъ видна вся красота поднебесная, и смотрясь въ него, дѣвичья красота не старѣется, а прибавляется. Не можетъ онъ только найти завѣтнаго гостинца для меньшей, любимой дочери, аленькаго цвѣточка, краше котораго не было бы на бѣломъ свѣту. Находилъ онъ во садахъ царскихъ, королевскихъ и султановыхъ много аленькихъ цвѣточковъ такой красоты, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; да никто ему поруки не даетъ, что краше того цвѣтка нѣтъ на бѣломъ светѣ; да и самъ онъ того не думаетъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою, со своими слугами вѣрными, по пескамъ сыпучіимъ, по лѣсамъ дремучіимъ, и откуда не возьмись налетѣли на него разбойники, бусурманскіе, турецкіе, да индѣйскіе, нехристи поганые, и увидя бѣду неминуемую, бросаетъ честной купецъ свои караваны богатые со прислугою своей вѣрною, и бѣжитъ въ темны лѣса. «Пусть-де меня разтерзаютъ звѣри лютые, чѣмъ попасться мнѣ въ руки разбойничьи, поганья и доживать свой вѣкъ въ плѣну во неволѣ.» Бродитъ онъ по тому лѣсу дремучему, непроѣздному, непроходному, и что дальше идетъ, то дорога лучше становится, словно деревья передъ нимъ разступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотритъ назадъ —

руки не просунуть, смотреть направо — пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотреть налево — а и хуже того. Дивуется честной купецъ, думаетъ не придумаетъ, что съ нимъ за чудо совершается, а самъ все идетъ да идетъ: у него подъ ногами дорога торная. Идетъ онъ день отъ утра до вечера, не слышитъ онъ реву звѣринаго, ни шипѣнія змѣинаго, ни крику совинаго, ни голоса птичьяго: ровно около него все повымерло. Вотъ пришла и темная ночь; кругомъ его хоть глазъ выколи, а у него подъ ногами свѣтлехонько. Вотъ идетъ онъ почитай до полуночи, и сталъ видѣть впереди будто зарево, и подумалъ онъ: «видно лѣсъ горитъ, такъ зачѣмъ же мне туда идти на вѣрную смерть, неминуемую?» Поворотилъ онъ назадъ — нельзя идти, направо, налево — нельзя идти; сунулся впередъ — дорога торная. «Дай постою на одномъ мѣстѣ, можетъ зарево пойдетъ въ другую сторону, аль прочь отъ меня, аль потухнетъ совсѣмъ.» Вотъ и сталъ онъ, дожидается; да не тутъ-то было: зарево точно къ нему на встрѣчу идетъ, и какъ будто около него свѣтлѣе становится; думалъ онъ, думалъ и порѣшилъ идти впередъ. Двухъ смертей не бывать, одной не миновать. Перекрестился купецъ и пошелъ впередъ. Чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ свѣтлѣе становится, и стало почитай, какъ бѣлый день, а не слышно шуму и треску пожарнаго. Выходитъ онъ подъ конецъ на поляну широкую, и посередь той поляны широкія стоитъ домъ не домъ, чертогъ не чертогъ, а дворецъ королевскій или царскій, весь въ огнѣ, въ серебрѣ и золотѣ и въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ, весь горитъ и свѣтитъ, а огня не видать; ровно солнушко красное, инда тяжело на него глазамъ смотрѣть. Всѣ окошки во дворцѣ растворены и играетъ въ немъ музика согласная, какой никогда онъ не слыхивалъ. Входитъ онъ на широкой дворъ, въ ворота широкіе, растворенные; дорога пошла изъ белаго мрамора, а по сторонамъ бьютъ фонтаны воды, высокіе, большіе и малые. Входитъ онъ во дворецъ по лѣстницѣ, устланной кармазиннымъ сукномъ, со перилами позолоченными; вошелъ въ горницу — нѣтъ никого; въ другую, въ третью — нѣтъ никого, въ пятую, десятую — нѣтъ никого; а убранство вездѣ царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая. Дивится честной купецъ такому богатству несказанному, а вдвое того, что хозяина нѣтъ; не токмо хозяина, и прислуги нѣтъ; а музыка играетъ не смолкаючи; и подумалъ онъ въ тѣ поры про себя: «все хорошо, да ѣсть нечего», и выросъ передъ нимъ столъ, убраный, разубраный; въ посудѣ золотой да серебряной яства стоятъ сахарныя и вина заморскія и питья медвяныя. Сѣлъ онъ за столъ безъ сумлѣнія; напился, наѣлся досыта, потому что не ѣлъ сутки цѣлые; кушанье такое, что и сказать нельзя, — того и гляди, что языкъ проглотишь, а онъ, по лѣсамъ и пескамъ ходючи, крѣпко проголодался; всталъ онъ изъ-за стола, а поклониться некому, и сказать спасибо за хлѣбъ за соль некому. Не успѣлъ онъ встать да оглянуться, а стола съ кушаньемъ какъ не бывало, а музыка играетъ неумолкаючи. Дивуется честной купецъ такому чуду чудному и такому диву дивному, и ходитъ онъ по палатамъ изукрашеннымъ, да любитъся, а самъ думаетъ: «хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть» — и видитъ, стоитъ передъ нимъ кровать рѣзная, изъ чистаго золота, на ножкахъ хрустальныхъ, съ пологомъ серебрянымъ, съ бахрамою и кистями жемчужными; пуховикъ на ней какъ гора лежитъ, пуху мягкаго, лебяжьяго. Дивится купецъ такому чуду новому, новому и чудному; ложится онъ на высокую кровать, задергиваетъ пологъ серебряный, и видитъ,

что онъ тонокъ и мягокъ, будто шелковый. Стало въ палатѣ темно: ровно въ сумерки, и музыка играетъ будто издали, и подумалъ онъ: «ахъ кабы мнѣ дочерей хоть во снѣ увидать» — и заснулъ тоежъ минуточку.

Просыпается купецъ, а солнце уже вошло выше дерева стоячаго. Проснулся купецъ, а вдругъ опомниться не можетъ: всю ночь видѣлъ онъ во снѣ дочерей своихъ любезныхъ, хорошихъ и пригожихъ, и видѣлъ онъ дочерей своихъ старшихъ: старшую и среднюю, что онѣ веселымъ-веселехоньки, а печальна одна, дочь меньшая, любимая; что у старшей и средней дочери есть женихи богатые, и что собираются онѣ выдти за мужъ, не дождавшись его благословенія отцовскаго; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихахъ и слышать не хочетъ, покуда не воротится ея родимый батюшка; и стало у него на душѣ и радостно и не радостно. Всталъ онъ со кровати высокія, платье ему все приготовлено, и фонтанъ воды бьетъ въ чашу хрустальную; онъ одѣвается, умывается, и ужъ новому чуду не дивуется; чай и кофей на столѣ стоятъ, и при нихъ закуска сахарная. Помолвившись Богу, онъ накушался и сталъ онъ опять по палатамъ ходить, чтобъ опять на нихъ полюбоваться при свѣтѣ солнышка краснаго. Все показалось ему лучше вчерашняго. Вотъ видитъ онъ въ окна растворенныя, что кругомъ дворца разведены сады диковинные, плодовые, и цвѣты цвѣтутъ красоты неописанной. Захотѣлось ему по тѣмъ садамъ прогуляться.

Сходитъ онъ по другой лѣстницѣ изъ мрамора зеленаго, изъ малахита мѣднаго, съ перилами позолоченными, сходитъ прямо въ зелены сады. Гуляетъ онъ и любитъ; на деревьяхъ висятъ плоды спѣлые, румяные, сами въ ротъ такъ и просятся, индо глядя на нихъ слюнки текутъ; цвѣты цвѣтутъ распрекрасные, мохровые, пахучіе, всякими красками расписанные; птицы летаютъ невиданныя: словно по бархату зеленому и пунцовому золотомъ и серебромъ выложенныя, пѣсни поютъ райскія; фонтаны воды бьютъ высокіе, индо глядѣтъ на ихъ вышину — голова запрокидывается; и бѣгутъ и шумятъ ключи родниковые по колодамъ хрустальнымъ. Ходитъ честной купецъ, дивуется; на всѣ такія диковинки глаза у него разбѣжались, и не знаетъ онъ, на что смотрѣтъ и кого слушать. Ходилъ онъ такъ, много ли, мало ли времени — невѣдомо: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. И вдругъ видитъ онъ на пригорочкѣ зеленымъ цвѣтетъ цвѣтокъ цвѣту алаго, красоты невиданной и неслыханной, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. У честнаго купца духъ занимается, подходит онъ ко тому цвѣтку, запахъ отъ цвѣтка по всему саду, ровно струя бѣжитъ, затряслись и руки и ноги у купца и возговорилъ онъ голосомъ радостнымъ: «вотъ аленькой цвѣточикъ, какого нѣтъ краше на бѣломъ свѣтѣ, о какомъ просила меня дочь меньшая, любимая». И проговоривъ таковы слова, онъ подошелъ и сорвалъ аленькой цвѣточикъ. Въ тоежъ минуту, безо всякихъ тучъ, блеснула молонья и ударилъ громъ, индо земля зашаталась подъ ногами, — и выросъ, какъ будто изъ земли, передъ купцомъ: звѣрь не звѣрь, человекъ не человекъ, а такъ какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревелъ онъ голосомъ дикимъ: «Что ты сдѣлалъ? Какъ ты посмѣлъ сорвать въ моемъ саду мой заповѣдной, любимый цвѣтокъ? Я хоронилъ его паче зеницы ока моего, и всякой день утѣшался, на него гляючи: а ты лишилъ меня всей утѣхи въ моей жизни. Я хозяинъ дворца и сада, я принялъ тебя, какъ дорогаго гостя и званого, накормилъ, напоилъ и спать

уложилъ, а ты эдакъ-то заплатилъ за мое добро! Знай же свою участь горькую: умереть тебѣ за свою вину смертью безвременною»..... И несчетное число голосовъ дикіихъ, со всѣхъ сторонъ завопило: «умереть тебѣ смертью безвременною!» У честнаго купца отъ страха зубъ на зубъ не приходилъ; онъ оглянулся кругомъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ, изъ подъ cadaго дерева и кустика, изъ воды, изъ земли, лезетъ къ нему сила нечистая и несмѣтная, все страшилища безобразныя. Онъ упалъ на колени передъ наибольшимъ хозяиномъ, чудищемъ мохнатымъ, и возговорилъ голосомъ жалобнымъ: «Охъ ты гой еси, господинъ честной, звѣрь лѣсной, чудо морское: какъ взвеличать тебя — не знаю, не вѣдаю. Не погуби ты души моей христіанскія, за мою предерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошія и пригожія; обѣщаль я имъ по гостинцу привезть: старшей дочери — самоцвѣтный вѣнецъ, средней дочери — тувалетъ хрустальный; а меньшей дочери — аленькой цвѣточикъ, какого бы не было краше на бѣломъ свѣтѣ. Старшимъ дочерямъ гостинцы я сыскалъ, а меньшей дочери гостинца отыскать не могъ; увидалъ я такой гостинецъ у тебя въ саду, аленькой цвѣточикъ, какого краше нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, и подумалъ я, что такому хозяину богатому, богатому, славному и могучему, не будетъ жалко цвѣточка аленькаго о какомъ просила моя меньшая дочь любимая. Каюсь я въ своей винѣ передъ твоимъ величествомъ. Ты прости мнѣ, не разумному и глупому, отпусти меня къ моимъ дочерямъ родимымъ и подари мне цвѣточикъ аленькой, для гостинца моей меньшей, любимой дочери. Заплачу я тебѣ казны золотой, что потребуешь.» Раздался по лѣсу хохотъ, словно громъ загремѣлъ, и возговорить купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: «Не надо мнѣ твоей золотой казны: мнѣ своей дѣвать некуда. Нѣтъ тебѣ отъ меня никакой милости, и разорвутъ тебя мои слуги вѣрныя на куски, на части мелкія. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимаго, награжу казной несчетною, подарю цвѣточикъ аленькой, коли дашь ты мнѣ слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь замѣсто себя одну изъ дочерей своихъ, хорошихъ, пригожихъ; я обиды ей никакой не сдѣлаю, а и будетъ она жить у меня въ чести и привольѣ, какъ самъ ты жилъ во дворцѣ моемъ. Стало скучно мнѣ жить одному, и хочу я залучить себѣ товарища.» Такъ и палъ купецъ на сыру землю, горячими слезами обливается; а и взглянетъ онъ на звѣря лѣснаго, на чудо морское, а и вспомнить онъ своихъ дочерей, хорошихъ, пригожихъ, а и пуще того завопить источнымъ голосомъ: больно страшень былъ лѣсной звѣрь, чудо морское. Много времени честной купецъ убивается и слезами обливается, и возговорить онъ голосомъ жалобнымъ: «Господинъ честной, звѣрь лѣсной, чудо морское! А и какъ мнѣ быть, коли дочери мои, хорошія и пригожія, по своей воли не похочутъ ѣхать къ тебѣ? Не связать же мнѣ имъ руки и ноги, да насильно прислать? Да и какимъ путемъ до тебя доѣхать? Я ѣхалъ къ тебѣ ровно два года, а по какимъ мѣстамъ, по какимъ путямъ, я не вѣдаю.» Возговорить купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: «Не хочу я невольницы: пусть пріѣдетъ твоя дочь сюда по любви къ тебѣ, своей волею и хотѣніемъ; а коли дочери твои не поѣдутъ по своей волѣ и хотѣнію, то самъ пріѣзжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А какъ пріѣхать ко мнѣ — не твоя бѣда; дамъ я тебѣ перстень съ руки моей: кто надѣнетъ его на правый мизинецъ, тотъ очутится тамъ, гдѣ пожелаетъ, во

единое ока мгновение. Сроку тебѣ даю дома пробыть три дня и три ночи.» — Думалъ, думалъ купецъ думу крепкую, и придумалъ такъ: «лучше мнѣ съ дочерями повидаться, дать имъ свое родительское благословеніе, и коли онѣ избавить меня отъ смерти не похочутъ, то приготовиться къ смерти по долгу христіанскому и воротиться къ лѣсному звѣрю, чуду морскому.» Фальши у него на умѣ не было, а потому онѣ рассказалъ, что у него было на мысляхъ. Звѣрь лѣсной, чудо морское, и безъ того ихъ зналъ; видя его правду, онѣ и записи съ него заручной не взялъ, а снялъ съ своей руки золотой перстень и подалъ его честному купцу. И только честной купецъ успѣлъ надѣть его на правый мезинецъ, какъ очутился онѣ въ воротахъ своего широкаго двора; въ ту пору, въ тѣ же ворота вѣзжали его караваны богатые съ прислугою вѣрною, и привезли они казны и товаровъ втрое противу прежняго. Поднялся въ домѣ шумъ и гвалтъ, повскакали дочери изъ-за пялецъ своихъ, а вышивали онѣ серебромъ и золотомъ ширинки шелковыя, почали онѣ отца цѣловать, миловать и разными ласковыми именами называть, и двѣ старшія сестры лебезятъ пуще меньшей сестры. Видятъ онѣ, что отецъ какъ-то не радошенъ и что есть у него на сердце печаль потаенная. Стали старшія дочери его допрашивать: не потерялъ ли онѣ своего богатства великаго; меньшая же дочь о богатствѣ не думаетъ и говоритъ она своему родителю: «мнѣ богатства твои ненадобны; богатство дѣло наживное, а открой ты мнѣ свое горе сердешное.» И возговорить тогда честной купецъ своимъ дочерямъ родимымъ, хорошимъ и пригожимъ: «Не потерялъ я своего богатства великаго, а нажилъ казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вамъ объ ней завтрашній день, а сегодня будемъ веселиться.» Приказалъ онѣ принести сундуки дорожные, желѣзомъ окованные; доставалъ онѣ старшей дочери золотой вѣнецъ, золота аравійскаго, на огнѣ не горитъ, въ водѣ не ржавѣетъ, со камнями самоцвѣтными; достаетъ гостинецъ средней дочери, тувалетъ хрусталию восточнаго; достаетъ гостинецъ меньшей дочери, золотой кувшинъ съ цвѣточкомъ аленькимъ. Старшія дочери отъ радости рехнулись, унесли свои гостинцы въ терема высокіе, и тамъ на просторѣ досыта потѣшались. Только дочь меньшая любимая, увидавъ цвѣточикъ аленькой, затряслась вся и заплакала, точно въ сердцѣ еѣ что ужалило. Какъ возговорить къ ней отецъ таковы рѣчи: «Что же дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цвѣтка желаннаго; краше его нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ?» Взяла дочь меньшая цвѣточикъ аленькой, ровно нѣхотя, цѣлуетъ руки отцовы, а сама плачетъ горючими слезами. Скоро прибѣгли дочери старшія, попытали онѣ гостинцы отцовскіе и не могутъ опомниться отъ радости. Тогда сѣли всѣ они за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, за питія медвяныя; стали ѣсть, пить, прохлаждатися, ласковыми рѣчами утѣшатися. Ввечеру гости понаѣхали, и сталъ домъ у купца полнехонекъ дорогихъ гостей, сродниковъ, угодниковъ, прихлебателей. До полуночи бесѣда продолжалася, и таковъ былъ вечерній пиръ, какого честной купецъ у себя въ дому не видывалъ; и откуда, что бралось, не могъ догадаться онѣ, да и всѣ тому дивовались: и посуды золотой-серебряной, и кушаньевъ диковинныхъ, какихъ никогда въ дому не видывали. Заутра позвалъ къ себѣ купецъ старшую дочь, рассказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова-дó-слова, и спросилъ: хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, къ чуду морскому? Старшая дочь на отрѣзъ отказалася и

говорить: «Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькій цвѣточикъ.» Позвалъ честный купецъ къ себѣ другую дочь среднюю, рассказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова-дѣ-слова, и спросилъ: хочеть ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, чуду морскому? Средняя дочь на отрѣзъ отказалась и говоритъ: «Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькій цвѣточикъ.» Позвалъ честной купецъ меньшую дочь и сталъ ей все рассказывать, все отъ слова-дѣ-слова, и не успѣлъ кончить рѣчи своей, какъ стала передъ нимъ на колѣни дочь меньшая, любимая, и сказала: «Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поѣду къ звѣрю лѣсному, чуду морскому и стану жить у него. Для меня досталъ ты аленькой цвѣточикъ и мнѣ надо выручить тебя.» Залился слезами честной купецъ, обнялъ онъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ ей таковыя слова: «Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая. Да будетъ надъ тобою мое благословеніе родительское, что выручаешь ты своего отца отъ смерти лютыя, и по доброй волѣ своей и хотѣнію идешь на житъе противное къ страшному звѣрю лесному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворцѣ, въ богатствѣ и привольѣ великіимъ; да гдѣ тотъ дворецъ — никто не знаетъ не вѣдаетъ, и нѣтъ къ нему дороги ни конному, ни пѣшему, ни звѣрю прыскучему, ни птицѣ перелетной. Не будетъ намъ отъ тебя ни слуха ни вѣсточки, а тебѣ объ насъ и подавно. И какъ мнѣ доживать мой горькой вѣкъ, лица твоего не выдаючи, ласковыхъ рѣчей твоихъ не слыхаючи; расстаюсь я съ тобою на вѣки вѣчныя, ровно тебя живую въ землю хороню.» И возговорить отцу дочь меньшая любимая: «Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житъе мое будетъ богатое, привольное; звѣря лѣснаго, чуда морскаго я не испугаюсь, буду служить ему вѣрою и правдою, исполнять его волю господскую, а можетъ онъ надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую; можетъ Богъ дастъ я и вернусь къ тебѣ.» Плачетъ, рыдаетъ честной купецъ, такowymi рѣчами не утѣшается. Прибѣгають сестры старшія, большая и средняя, подняли плачь по всему дому: вишь больно имъ жалко меньшей сестры любимыя; а меньшая сестра и виду печальнаго не кажетъ, не плачетъ, не охаетъ и въ дальній путь невѣдомый собирается. И беретъ съ собой цвѣточикъ аленькой во кувшинѣ позолоченномъ. Прошелъ третій день и третья ночь, пришла пора разставаться честному купцу, разставаться съ дочерью меньшей, любимой; онъ цалуетъ, милуетъ её, горючьми слезами обливаетъ и кладетъ на нее крестное благословеніе свое родительское. Вынимаетъ онъ перстень звѣря лѣснаго, чуда морскаго, изъ ларца кованнаго, надѣваетъ перстень на правый мизинецъ меньшей любимой дочери — и не стало её въ тою-жъ минуточку, со всеми ея пожитками.

Очутилась она во дворцѣ звѣря лѣснаго, чуда-морскаго, во палатахъ высокіихъ, каменныхъ, на кровати изъ рѣзнаго золота, со ножками хрустальными, на пуховикѣ пуха лебяжьего, покрытомъ золотой камкой; ровно она и съ мѣста не сходила, ровно она целый вѣкъ тутъ жила, ровно легла почивать, да проснулась. Заиграла музыка согласная, какой сродясь она не слыхивала. Встала она со постели пуховыя и видитъ, что всѣ ея пожитки и цвѣточикъ аленькой въ кувшинѣ позолоченномъ тутъ же стоятъ, раскладены и раставлены на столахъ зеленыхъ малахита мѣднаго, и что въ той палатѣ много добра и скарба всякаго, есть на чемъ посѣдетъ-полежать, есть во что пріодѣться,

есть во что посмотреться. И была одна стѣна вся зеркальная, а другая стѣна золоченая, а третья стѣна вся серебрянная, а четвертая стѣна изъ кости слоновья и мамонтова, самоцвѣтными яхонтами вся разубранная, и подумала она: «должно быть это моя опочивальня». Захотѣлось ей осмотреть весь дворецъ и пошла она осматривать всѣ его палаты высокія, и ходила она не мало времени, на всѣ диковинки любующись; одна палата была краше другой, и всѣ краше того, какъ рассказывалъ честной купецъ, государь ея батюшка родимый; взяла она изъ кувшина золоченаго любимый цвѣточикъ аленькой, сошла она въ зелены сады, и запѣли ей птицы свои пѣсни райскія, а деревья, кусты и цвѣты замахали своими верхушками, и ровно передъ ней преклонилися; выше забили фонтаны воды и громчѣй зашумѣли ключи родниковые; и нашла она то мѣсто высокое, пригорокъ муравчатый, на которомъ сорвалъ честной купецъ цвѣточикъ аленькой, краше котораго нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. И вынула она тотъ аленькой цвѣточикъ изъ кувшина золоченаго, и хотѣла посадить на мѣсто прежнее; но самъ онъ вылетѣлъ изъ рукъ ея и приросъ къ стеблю прежнему, и разцвѣлъ краше прежняго. Подивилася она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цвѣточку аленькому завѣтному, и пошла назадъ въ палаты свои дворцовыя, и въ одной изъ нихъ стоитъ столъ накрытъ, и только она подумала: «видно звѣрь лѣсной, чудо морское, на меня не гнѣвается, и будетъ онъ ко мнѣ господинъ милостивый», — какъ на бѣлой мраморной стѣнѣ появились слова огненные: «Не господинъ я твой, а послушный рабъ. Ты моя госпожа, и все, что тебѣ пожелается, все, что тебѣ на умъ придетъ, исполнять я буду съ охотою.» Прочитала она слова огненные и пропали они со стѣны бѣлой мраморной, какъ будто ихъ никогда не бывало тамъ. И вспало ей на мысли написать письмо къ своему родителю, и дать ему о себѣ вѣсточку. Не успѣла она о томъ подумати, какъ видитъ она, передъ нею бумага лежитъ, золотое перо со чернильницей. Пишетъ она письмо къ своему батюшкѣ родимому и сестрицамъ своимъ любезнымъ: «Не плачьте обо мнѣ, не горюйте, я живу во дворцѣ у звѣря лѣснаго, чуда морскаго, какъ королевшна; самого его не вижу и не слышу, а пишетъ онъ ко мнѣ на стѣнѣ бѣломраморной, словами огненными; и знаетъ онъ все, что у меня на мысли, и тоежь минутою все исполняетъ, и не хочетъ онъ называться господиномъ моимъ, а меня называетъ госпожей своей.» Не успѣла она письма написать и печатью припечатать, какъ пропало письмо изъ рукъ и изъ глазъ ея, словно его тутъ и не было. Заиграла музыка пуще прежняго, на столѣ явились яства сахарныя, питья медвяныя, вся посуда зѣлата червоннаго. Сѣла она за столъ веселехонька, хотя съ роду не обѣдала одна одинешенька; ѣла она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. Послѣ обѣда, накушамшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше, по той причинѣ, чтобъ ей спать не мѣшать. Послѣ сна встала она веселешенька и пошла опять гулять по садамъ зеленымъ, потому что не успѣла она до обѣда обходить и половины ихъ, наглядѣться на всѣ ихъ диковинки. Всѣ деревья, кусты и цвѣты передъ ней преклонялися, а спѣлые плоды, груши, персики и наливные яблочки, сами въ ротъ лезли. Походивъ время не малое, почитай вплоть до вечера, воротилася она во свои палаты высокія, и видитъ она: столъ накрытъ, и на столѣ яствы стоятъ сахарныя и питья медвяныя, и все отмѣнныя. Послѣ ужина вошла она въ ту палату беломраморну, гдѣ читала она на стѣнѣ слова огненные, и видитъ

она на той же стѣнѣ опять такія же словеса огненныя: «Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощеньемъ и прислугою?» И возговорила голосомъ радостнымъ молодая дочь купецкая, красавица писанная: «Не зови ты меня госпожей своей, а будь ты всегда мой добрый господинъ, ласковый и милостивый. Я изъ воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебѣ за все твое угощеніе. Лучше твоихъ палатъ высокіихъ и твоихъ зеленыхъ садовъ не найти на бѣломъ свѣтѣ: то и какъ же мнѣ довольною не быть? Я сродясь такихъ чудесъ не видывала. Я отъ такого дива еще въ себя не приду, только боюсь я почивать одна; во всѣхъ твоихъ палатахъ высокіихъ нѣтъ ни души человѣческой.» Появились на стѣнѣ словеса огненныя: «Не бойся, моя госпожа прекрасная; не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая; и много въ палатахъ душъ человѣческихъ, а только ты ихъ не видишь и не слышишь, и всѣ онѣ вмѣстѣ со мною берегутъ тебя и день и ночь: не дадимъ мы на тебя ветру вѣнути, не дадимъ и пылинкѣ сѣсть.» И пошла почивать въ опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писанная, и видитъ: стоитъ у кровати ея дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая, и стоитъ она чуть отъ страха жива, и обрадовалась она госпожѣ своей, и цѣлуетъ ея руки бѣлыя, обнимаетъ ея ноги рѣзвыя. Госпожа была ей также радостна, принялась ея спрашивать про батюшку родимаго, про сестрицъ своихъ старшихъ и про всю свою прислугу дѣвичью, опосля того принялась сама рассказывать, что съ нею въ это время приключилось; такъ и не спали онѣ до бѣлой зари.

Такъ и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писанная. Всякій день ей готовы наряды новые богатые и убранства такія, что цѣны имъ нѣтъ, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; всякой день угощенья и веселья новыя, отменные; катанье, гулянье съ музыкою на колесницахъ безъ коней и упряжи, по темнымъ лѣсамъ; а тѣ лѣса передъ ней разступались и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую, и стала она руководѣльями заниматься, руководѣльями дѣвичьими, вышивать ширинки серебромъ и золотомъ и низать бахромы частымъ жемчугомъ, стала посылать подарки батюшкѣ родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лѣсному звѣрю, чуду морскому, а и стала она день-о-то-дня чаще ходить въ залу бѣломраморную, говорить рѣчи ласковыя своему хозяину милостивому и читать на стѣнѣ его отвѣты и привѣты словесами огненными.

Мало ли, много ли, тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, — стала привыкать къ своему житью-бытью молодая дочь купецкая, красавица писанная, ничему она ужъ не дивуется, ничего не пугается, служатъ ей слуги невидимые, подаютъ, принимаютъ, на колесницахъ безъ коней катаютъ, въ музыку играютъ и всѣ ея повелѣнія исполняютъ; и возлюбляла она своего господина милостиваго, день-о-то-дня, и видѣла она, что не даромъ онъ зоветъ ея госпожей своей, и что любить онъ ея пуще самаго себя, и захотѣлось ей его голоса послушати, захотѣлось съ нимъ разговоръ повести, не ходя въ палату бѣломраморную, не читая словесовъ огненныхъ. Стала она его о томъ молить и просить; да звѣрь лѣсной, чудо морское, не скоро на ея просьбу соглашается, испугать ея своимъ голосомъ опасается; упросила, умолила она

своего хозяина ласковаго, и не могъ онъ ей супротивнымъ быть, и написалъ онъ ей въ послѣдній разъ на стѣнѣ бѣломраморной словесами огненными: «Приходи сегодня во зеленый садъ, сядь во свою бесѣдку любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную, и скажи такъ: «говори со мной, мой вѣрный рабъ.» И мало спустя времечка, побѣжала молода дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила во бесѣдку свою любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную, и садилась на скамью парчевую, и говорить она задыхаючись, бьется сердечко у ней, какъ у пташки пойманой, говорить таковыя слова: «Не бойся ты господинъ мой, добрый, ласковый, испугать меня своимъ голосомъ; опосля всѣхъ твоихъ милостей, не убоюся я и рева звѣринаго; говори со мной, не опасаячись.» И услышала она, ровно кто вздохнулъ за бесѣдкою, и раздался голосъ страшный, дикой и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорилъ онъ еще въ полголоса; вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услыхавъ голосъ звѣря лѣснаго, чуда морскаго, только со страхомъ своимъ совладала и виду, что испужалася, не показала, и скоро слова его ласковыя и привѣтливья, рѣчи умныя и разумныя, стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердцѣ радощно.

Съ той поры, съ того времечка, пошли у нихъ разговоры почитай цѣлый день, во зеленомъ саду на гуляньяхъ, во темныхъ лѣсахъ на катаньяхъ, и во всѣхъ палатахъ высокіихъ. Только спросить молода дочь купецкая, красавица писаная: «Здѣсь ли ты, мой добрый любимый господинъ?» Отвѣчаетъ лѣсной звѣрь, чудо морское: «Здѣсь, госпожа моя прекрасная, твой вѣрный рабъ, неизмѣнный другъ.» И не пугается она его голоса дикаго и страшнаго, и пойдуть у нихъ рѣчи ласковыя, что конца имъ нѣтъ.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, — захотѣлось молодой дочери купецкой, красавицѣ писаной, увидѣть своими глазами звѣря лѣснаго, чуда морскаго, и стала она его о томъ просить и молить; долго онъ на то не соглашается, испугать еѣ опасается, да и былъ онъ такое страшилище, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; не токмо люди, звѣри дикіе его завсегда устрашались и въ свои берлоги разбѣгались. И говорить звѣрь лѣсной, чудо морское, таковыя слова: «не проси, не моли ты меня, госпожа моя распрекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показалъ я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. Къ голосу моему попривыкла ты; мы живемъ съ тобой въ дружбѣ, согласіи, другъ со другомъ почитай не разлучаемся и любишь ты меня за мою любовь къ тебѣ несказанную, а увидя меня страшнаго и противнаго, возненавидишь ты меня несчастнаго, прогонишь ты меня съ глазъ долой, а въ разлукѣ съ тобой, я умру съ тоски.» Не слушала такихъ рѣчей молода купецка дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежняго, клясться, божиться и ротиться, что никакого на свѣтѣ страшилища не испугается и что не разлюбитъ она своего господина милостиваго, и говорить ему таковыя слова: «если ты старъ человекъ — будь мнѣ дѣдушка, если середовичъ — будь мнѣ дядюшка, если же молодъ ты — будь мнѣ названой братъ, и поколь я жива — будь мнѣ сердечный другъ.» Долго, долго, лѣсной звѣрь, чудо морское, не поддавался на такія слова, да не могъ просьбамъ и слезамъ своей красавицы супротивнымъ быть, и говорить ей таково слово: «не могу я тебѣ супротивнымъ быть, по той причинѣ, что

люблю тебя пуще самого себя, исполню я твое желание, хоша знаю, что погублю мое счастье и умру смертью безвременной. Приходи во зеленый садъ, въ сумерки сѣрья, когда сядетъ за лѣсъ солнышко красное, и скажи: «покажись мнѣ вѣрный другъ!» и покажу я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. А коли станетъ не въ моготу тебѣ больше у меня оставатися, не хочу я твоей неволи и муки вѣчныя: ты найдешь въ опочивальнѣ своей, у себя подъ подушкою, мой золотъ-перстень. Надѣнь его на правой мизинецъ и очутишься ты у батюшки родимаго, и ничего обо мнѣ николи не услышишь.» Не убоялась, не устрашилася, крѣпко на себя понадѣялася, молода дочь купецкая, красавица писаная. Въ та-поры, не мешкая ни минуточки, пошла она во зеленый садъ дожидатися часу урочнаго, и когда пришли сумерки сѣрья, опустилося за лѣсъ солнышко красное, проговорила она: «покажись мнѣ, мой вѣрный другъ!» и показался ей издали звѣрь лѣсной, чудо морское: онъ прошелъ только поперекъ дороги и пропалъ въ частыхъ кустахъ, и не взвидѣла свѣта молода дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками бѣлыми, закричала источнымъ голосомъ и упала на дорогу безъ памяти. Да и страшень былъ звѣрь лѣсной, чудо морское: руки кривыя, на рукахъ когти звѣриныя, ноги лошадиныя, спереди сзади горбы великіе верблюжіе, весь мохнатый отъ верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, носъ крючкомъ, какъ у беркута, а глаза были совиные. Полежамши, долго ли, мало ли времени, опаматовалась молода дочь купецкая, красавица писаная, и слышитъ: плачетъ кто-то возлѣ нея, горючьми слезами обливается и говоритъ голосомъ жалостнымъ: «погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мнѣ больше твоего лица распрекраснаго, не захочешь ты меня даже слышати и пришло мнѣ умереть смертью безвременною.» И стало ей жалко и совѣстно, и совладала она съ своимъ страхомъ великимъ, и съ своимъ сердцемъ робкимъ дѣвичьимъ, и заговорила она голосомъ твердымъ: «нѣтъ не бойся ничего, мой господинъ добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшнаго, не разлучусь я съ тобой, не забуду твоихъ милостей; покажись мнѣ теперь же въ своемъ видѣ давишнемъ: я только впервые испугалася.» Показался ей лѣсной звѣрь чудо морское въ своемъ видѣ страшнымъ, противнымъ, безобразнымъ, только близко подойти къ ней не осмѣлился, сколько она не звала его; гуляли они до ночи темныя и вели бесѣды прежнія, ласковыя и разумныя, и не чуюла никакого страха молодая дочь купецкая, красавица писаная. На другой день увидала она звѣря лѣснаго, чудо морское, при свѣтѣ солнышка краснаго, и хоша сначала, разглядя его, испугалася, а виду не показала, и скоро страхъ ея совсѣмъ прошелъ. Тутъ пошли у нихъ бесѣды пуще прежняго; день деньской почитай не разлучалися, за обѣдомъ и ужиномъ яствами сахарными насыщалися, питьями медвяными прохлажались, гуляли по зеленымъ садамъ, безъ коней каталися по темнымъ лѣсамъ.

И прошло тому не мало времени: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Вотъ одна и привидѣлось во снѣ молодой купецкой дочери, красавицѣ писаной, что батюшка ея нездоровъ лежитъ; и напала на неё тоска неусыпная, и увидалъ её въ той тоскѣ и слезахъ звѣрь лѣсной, чудо морское, и вельми закручинился и сталъ спрашивать: отчего она во тоскѣ, во слезахъ? Разказала она ему свой недоброй сонъ и стала просить

у него позволенія: повидать своего батюшку родимаго и сестриць своихъ любезныхъ; и возговорить къ ней лѣсной звѣрь, чудо морское: «И зачѣмъ тебѣ мое позволеніе? золотъ-перстень мой у тебя лежитъ, надѣнь его на правый мизинецъ и очутишься въ дому у батюшки родимаго. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебѣ: коли ты ровно черезъ три дня и три ночи не воротишься, то не будетъ меня на бѣломъ свѣтѣ, и умру я тою же минутою, по той причинѣ, что люблю тебя больше, чѣмъ самого себя, и жить безъ тебя не могу.» Стала она завѣрять словами завѣтными, и божбами и клятвами, что ровно за часъ до трехъ дней и трехъ ночей воротится во палаты его высокія. — Простилась она съ хозяиномъ своимъ ласковымъ и милостивымъ, надѣла на правый мизинецъ золотъ-перстень и очутилась на широкомъ дворѣ честнаго купца, своего батюшки родимаго. Идетъ она на высокое крыльцо его палатъ каменныхъ; набѣжала къ ней прислуга и челядь дворовая, подняли шумъ и крикъ; прибѣжали сестрицы любезныя и увидимши её, диву дались красотѣ ея дѣвичей и ея наряду царскому королевскому; подхватили её подъ руки бѣлыя и повели къ батюшки родимому, а батюшка не здоровъ лежалъ, нездоровъ и не радощень, день и ночь её вспоминаючи, горячими слезами обливающихся; и не вспомнилъ онъ отъ радости, увидимши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую, и дивился онъ красотѣ ея дѣвичей, ея наряду царскому королевскому. Долго они цѣловались, миловались, ласковыми рѣчами утѣшались. Разказала она своему батюшкѣ родимому и своимъ сестрамъ старшимъ, любезнымъ про свое житіе-бытіе у звѣря лѣснаго, чуда морскаго, все отъ слова-дѣ-слова, никакой крохи не скрываючи, и возвеселился честной купецъ ея житію богатому, царскому, королевскому, и дивился, какъ она привыкла смотрѣть на своо хозяина страшнаго и не боится звѣря лѣснаго, чуда морскаго; самъ онъ, объ немъ вспоминаючи, дрожкой-дрожалъ. Сестрамъ же старшимъ, слушая про богатства несмѣтныя меньшей сестры и про власть ея царскую надъ своимъ господиномъ, словно надъ рабомъ своимъ, индо завистно стало. День проходитъ какъ единый часъ, другой день проходитъ какъ минуточка, а на третій день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшія, чтобъ не ворочалась она къ звѣрю лѣсному, чуду морскому. «Пусть де околѣетъ, туда и дорога ему...» И прогнѣвалась на сестеръ старшихъ дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала имъ таковы слова: «Если я моему господину доброму и ласковому за всѣ его милости и любовь горячую, несказанную, заплачу его смертью лютою, то не буду я стоять того, чтобы мнѣ на бѣломъ свѣтѣ жить, и стоять меня тогда отдать дикимъ звѣрямъ на растерзаніе». И отецъ ея, честной купецъ, похвалилъ её за такія рѣчи хорошія, и было положено, чтобы до срока ровно за часъ воротилась къ звѣрю лѣсному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая, а сестрамъ то въ досаду было, и задумали онѣ дѣло хитрое, дѣло хитрое и не доброе: взяли онѣ, да всѣ часы въ домѣ цѣлымъ часомъ назадъ поставили, и не вѣдалъ того честной купецъ и вся его прислуга вѣрная, челядь дворовая. И когда пришелъ настоящій часъ, стало у молодой купецкой дочери, красавицы писанной сердце болѣть и щемить, ровно стало что-нибудь подмывать ее, и смотреть она то и дѣло на часы отцовскіе, аглицкіе, нѣмецкіе, — а все рано ей пускаться въ дальній путь; а сестры съ ней разговариваютъ; о томъ, о семъ спрашиваютъ, позадерживаютъ; однако сердце ея не вытерпѣло; простилась дочь меньшая любимая, красавица

писаная, со честнымъ купцомъ батюшкой родимымъ, приняла отъ него благословеніе родительское, простилась съ сестрами старшими, любезными, со прислугою вѣрною, челядью двороваго, и не дождавшись единой минуточки до часа урочнаго, надѣла золотъ-перстень на правый мизинецъ и очутилась во дворцѣ бѣлокаменномъ, во палатахъ высокіихъ звѣря лѣснаго, чуда морскаго, и дивуючись, что онъ еѣ не встрѣчаетъ, закричала она громкимъ голосомъ: «Гдѣ же ты мой добрый господинъ, мой вѣрный другъ? Что же ты меня не встрѣчаешь? Я воротилась раньше срока назначеннаго, цѣлымъ часомъ со минуточкой.» Ни отвѣта, ни привѣта не было, тишина стояла мертвая; въ зеленыхъ садахъ птицы не пѣли пѣсни райскія, не били фонтаны воды и не шумѣли ключи родниковые, не играла музыка во палатахъ высокіихъ. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, красавицы писаной, почувяла она нѣшто не доброе, обѣжала она палаты высокія и сады зеленые, звала зычнымъ голосомъ своего хозяина добраго — нѣтъ нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта, и никакого гласа послушанія; побѣжала она на пригорокъ муравчатый, гдѣ росъ, красовался ея любимый цвѣточикъ аленькій и видитъ она, что лѣсной звѣрь, чудо морское, лежитъ на пригоркѣ, обхвативъ аленькой цвѣточекъ своими лапами безобразными. И помстилось ей, что заснулъ онъ ее дожидаячись, и спитъ теперь крѣпкимъ сномъ. Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная: онъ не слышитъ; принялась будить покрѣпче, схватила его за лапу мохнатую, и видитъ, что звѣрь лѣсной, чудо морское, бездыханень, мертвъ лежитъ.... Помутились ея очи ясныя, подкосилися ноги рѣзвыя, пала она на колени, обняла руками бѣлыми голову своего господина добраго, голову безобразную и противную, и завопила источнымъ голосомъ: «Ты встань, пробудись, мой сердечный другъ, я люблю тебя какъ жениха желаннаго»... и только таковы слова она вымолвила, какъ заблестѣли молоньи со всѣхъ сторонъ, затряслась земля отъ грома великаго, ударила громовá стрѣла каменная въ пригорокъ муравчатый, и упала безъ памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала безъ памяти — не вѣдаю; только очнувшись, видитъ она себя во палатѣ высокой бѣломраморной, сидитъ она на золотомъ престолѣ со каменьями драгоцѣнными, и обнимаетъ ее принцъ молодой, красавецъ писанный, на головѣ со короною царскою, въ одеждѣ златокованной, передъ ней стоитъ отецъ съ сестрами, а кругомъ на колѣняхъ стоитъ свита великая, всѣ одѣты въ парчахъ золотыхъ, серебряныхъ, и возговоритъ къ ней молодой принцъ красавецъ писанный, на головѣ со короною царскою: «Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, въ образѣ чудища безобразнаго, за мою добрую душу и любовь къ тебѣ; полюби же меня теперь въ образѣ человѣческомъ, будь моей невѣстой желанною. Злая волшебница прогнѣвалась на моего родителя покойнаго, короля славнаго и могучаго, украла меня, еще малолѣтнаго, и сатанинскимъ колдовствомъ своимъ, силой нечистою, оборотила меня въ чудище страшное и наложила таковое заклятіе, чтобы жить мнѣ въ такомъ видѣ безобразномъ, противномъ и страшномъ для всякаго человѣка, для всякой твари божіей, пока найдется красная дѣвица, какого бы роду и званья ни была она, и полюбитъ меня въ образѣ страшилища, и пожелаетъ быть моей женою законною, и тогда колдовство все покончится, и стану я опять по прежнему человѣкомъ молодымъ и пригожимъ; и жилъ я такимъ страшилищемъ и пугаломъ ровно тридцать лѣтъ, и залучалъ я въ мой дворецъ заколдованный

одиннадцать дѣвицъ красныхъ, а ты была двѣнадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую, за любовь мою къ тебѣ несказанную, и будешь ты за то женою короля славнаго, королевою въ царствѣ могучіемъ.»

Тогда всѣ тому подивилися, свита до земли преклонилася. Честной купецъ далъ свое благословеніе дочери меньшей любимой и молодому принцу-королевичу. И проздравили жениха съ невѣстою сестры старшія завистныя и всѣ слуги вѣрные, бояре великіе и кавалеры ратные, и ни мало не медля принялись веселымъ пиркомъ да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама тамъ была, пива медъ пила, по усамъ текло да въ ротъ не попало.